

Банман Полина Павловна

ИНВЕКТИВНАЯ ЛЕКСИКА КАК МАРКЕР ДИСГАРМОНИЗАЦИИ ОБЩЕНИЯ В ОППОЗИЦИИ "СВОИ – ЧУЖИЕ"

В статье раскрывается содержание понятия "инвективная лексика", которая рассматривается как маркер отчуждения и дисгармонизации в оппозиции "свои – чужие", являющейся одной из базовых в современной языковой картине мира и отражающей особенности восприятия окружающего мира в рамках определенной культуры. Основное внимание уделяется анализу использования инвектив в художественно-публицистическом стиле, целью которого является не только информирование потенциального читателя о происходящих событиях, но и указание на необходимость занять определенную позицию.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/8-2/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. II. С. 32-37. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81'373.47

Филологические науки

В статье раскрывается содержание понятия «инвективная лексика», которая рассматривается как маркер отчуждения и дисгармонизации в оппозиции «свои – чужие», являющейся одной из базовых в современной языковой картине мира и отражающей особенности восприятия окружающего мира в рамках определенной культуры. Основное внимание уделяется анализу использования инвектив в художественно-публицистическом стиле, целью которого является не только информирование потенциального читателя о происходящих событиях, но и указание на необходимость занять определенную позицию.

Ключевые слова и фразы: художественно-публицистический стиль; отрицательная экспрессивность; инвективная лексика; междометные инвективы; маркер дисгармонизации.

Банман Полина Павловна, канд. филол. н.
Северо-Кавказский федеральный университет
himfmpolina@yandex.ru

**ИНВЕКТИВНАЯ ЛЕКСИКА КАК МАРКЕР ДИСГАРМОНИЗАЦИИ
ОБЩЕНИЯ В ОППОЗИЦИИ «СВОИ – ЧУЖИЕ»[©]**

Статья подготовлена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Соглашение № 14.В37.21.0715.

Тексты Г. Вальрафа формируются двумя типами коммуникации – художественной и публицистической. Реализуя в тексте главные функции публицистического текста – информационную и воздействующую, т.е. информируя читателя о значимых для общества, зачастую «злободневных» проблемах, убеждая в истинности излагаемых им фактов и указывая на необходимость формирования определенной позиции по отношению к излагаемым фактам, автор пользуется богатыми возможностями художественного стиля, за счет, в частности, использования инвективных единиц. Современные художественные и художественно-публицистические тексты содержат богатый материал для исследования феномена инвективности, что обусловлено особенностями самих текстов, в которых автор, создавая действительность произведения, говоря словами своих протагонистов, может выражать свое мнение. Находясь в подобной позиции, Г. Вальраф получает наилучшие возможности не только для воплощения идейного замысла своего произведения, но и для выражения своей собственной точки зрения, способной передать его отношение к рассматриваемой проблематике. Автором определяется не только структура повествования и манера речи, но и отбор лексики, а также способы характеристики действующих лиц.

Тема оскорбления личности постоянно вызывает интерес не только у лингвистов, но и у законодателей. В 2013 г. Президент Российской Федерации Владимир Путин подписал закон, вводящий административную ответственность за нецензурную брань в средствах массовой информации. Тем самым художественная публицистика, к которой мы относим произведения Г. Вальрафа, остается одной из немногих сфер, где возможно использование инвективных лексических единиц. В его репортажах инвективы выявляют своеобразие денотативного пространства Германии, например, по отношению к гастарбайтерам, преимущественно из Турции, за счет использования специфических способов оценки объекта инвективы и его поступков. Турки не по своей вине «оказались ~~на~~ на самом дне» благополучного немецкого общества, которое имплицитно трактуется как ~~–~~верх», утрачивая, однако, присущую ему онтологически положительную оценочность» [7, с. 157].

Материалом для практического исследования послужил корпус лексических единиц с пометами «бранное», «пейоративное», «фамильярно-разговорное», «вульгарное» немецкого языка, выявленных в ходе анализа дефиниций, представленных в толковых словарях «Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache», «Duden» и электронном словаре «Мультитран» [1; 10; 18] в сборнике репортажей Г. Вальрафа «Ganz unten» («На самом дне»), который пронизывает разнообразное текстовое проявление бинарной оппозиции «свои: турки» – «чужие: немцы». Объектом изучения являются инвективные единицы, выступающие как маркер отчуждения и дисгармонизации общения в оппозиции «свои – чужие». Дисгармонизация общения трактуется нами как ситуация конфликтного, дискомфортного общения, вызванная аффектным состоянием коммуникантов, а также несоответствием социально-ролевых отношений между ними, проявляющаяся за счет использования инвективной лексики.

Среди зарубежных исследователей, занимающихся мaledиктологией, которая является направлением психолингвистики, социолингвистики и психологии и изучает проклятия, ругательства и оскорбления, можно назвать американского лингвиста немецкого происхождения Р. Аман (Aman), Ф. Кинера (Kiener) и О. Хаврилив (Havryliv) [17; 20; 21]. В своих исследованиях они указывают на то, что проклятия и ругательства являются неотъемлемой составляющей жизни человека и важной частью языка. Они могут употребляться не только с целью обидеть или оскорбить кого-то, но и для того, чтобы защитить себя «вербально» и избежать таким образом применения силы, с одной стороны. Об этой особенности ругательств говорил еще У. Черчилль: „Besser einander beschimpfen, als aufeinander zu schießen—[19, S. 8] – «Лучше ругаться друг с другом, чем в друг друга стрелять» (Перевод наш). Однако, с другой стороны, они могут стать поводом для ее использования.

В нашей стране данный пласт лексики длительное время оставался вне поля зрения ученых, что объясняется прежней советской идеологией. Между тем, данная лексика представляет собой большой интерес как

средство реализации связи между ценностными представлениями социума и выражением негативного отношения к объекту оценки – человеку как носителю определенных черт характера, вредных привычек, нарушителю норм общественного поведения. Первым наиболее основательным исследованием табуированных слов, изучаемых с учетом национальной специфики носителей того или иного менталитета, является работа В. И. Жельвиса «Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира» [3]. В 1992 г. вышла в свет монография В. И. Карасика «Язык социального статуса», где в одной из глав содержится классификация пейоративных обозначений человека [6].

Мы определяем инвективу как любую номинативную единицу, употребленную с целью оскорбить, задеть, обидеть, унижить, дискредитировать адресата и имеющую пейоративную экспрессию неодобрения, пренебрежения, презрения, содержащую явно негативную оценку, общественно осознаваемую и воспринимаемую адресатом как оскорбительную или клеветническую характеристику, понимая ее вслед за В. И. Жельвисом как «любое словесно выраженное проявление агрессивного отношения к оппоненту» [3, с. 13]. В том числе к инвективам относятся и «ругательства», под которыми понимаются языковые единицы, лежащие за пределами литературного языка, фиксируемые словарями общеупотребительной лексики как вульгарные, грубые, нецензурные и бранные. Таким образом, фонд инвективных единиц включает в себя ругательства, но ими не ограничивается [5].

В произведении Г. Вальрафа «Ganz unten» на лицо наличие противоборствующих сторон: базовая оппозиция «свои – чужие», которая по мнению Ю. С. Степанова является одним из основных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения [14, с. 472], эксплицируется в том числе и за счет использования инвективной лексики. Г. Вальраф сам определил группу «своих», что находит отражение в номинациях, которые он использует по отношению к турецким рабочим, работающим вместе с ним. Понятие «свой» изначально связано с понятием кровного родства некоторой группой людей, для Г. Вальрафа они – *türkische Arbeiter, türkische Freunde, türkische Kollegen, Kollegen, Arbeitsuchende, Arbeiter – турецкие рабочие, турецкие друзья, турецкие коллеги, коллеги, ищущие работу, рабочие*. Автор сознательно информирует читателя о своей принадлежности к группе «чужих», какими они являются для остальных: пришельцами извне, лишенными полноты общественных прав метеками, находящимися на «нашей» территории, но принадлежащих другому миру [Цит. по: 8, с. 222]. В тексте автор не просто позиционирует себя как одного из многих, кого волнуют проблемы и заботы гастарбайтеров: он сам работает там, где работают они – на стройках, в Макдональдсе, в лаборатории, где проводят тестирование опасных медицинских препаратов и пр., становясь для турок «своим», а для немцев «чужим». Он живет в том же квартале, у него такой же образ жизни, как и у многих других турецких рабочих, которые не имеют ничего и живут в страхе перед полицией.

Создавая в своей книге „Ganz unten—образ двадцатисемилетнего турка «Али Левента Синирлиоглу», Г. Вальраф идентифицирует себя с окружающими ему людьми: „So wirkte ich in meiner Rolle zwar jugendlicher, unverbraucher und leistungsfähiger, aber sie machte mich gleichzeitig zum letzten Dreck—[23, S. 12] – «таким образом, войдя в роль, я хотя и стал казаться моложе, здоровее и физически сильнее, но одновременно превратился в аутсайдера, в последнее дерьмо» [2, с. 276].

Автор информирует массового читателя о том, что происходит в его обществе, что он не согласен с происходящим, что он не может разделять ценности и идеалы общества, в котором так относятся к иностранным рабочим, людям иной национальности, иного вероисповедания, иной культуры. Г. Вальраф сталкивает два разных мира с разными жизненными устоями и разными культурными ценностями. Подобная позиция ставит его в сложное положение. С одной стороны, у него открываются глаза: „Meine gespielte Torheit machte mich schlauer, eröffnete mir Einblicke in die Borniertheit und Eiskälte einer Gesellschaft, die sich für so gescheit, souverän, endgültig und gerecht hält. ich war ein Narr, dem man die Wahrheit unverstellt sagt—[23, S. 12] – «Роль наивного тугодума защитила меня, позволила мне проникнуть в образ мыслей предубежденного и бездушного общества, мнящего себя таким умудренным, суверенным и всегда правым. Я был дурак, которому, не стесняясь, говорят правду в глаза» [2, с. 276]. В конце книги жесткой критике он подвергает и основной девиз капитализма –Wir machen alles mit—... –Alles, was Profit bringt—[23, S. 244-245] – «Мы участвуем во всем» ... «Всегда, когда пахнет прибылью» [2, с. 358-359], сравнивая происходящее в современной ему Германии с некоторыми событиями времен Третьего Рейха. Его публикации получают широкий резонанс, активно обсуждаются проблемы интеграции в немецкое общество, проблемы «мультикультурализма», ксенофобии и толерантности, с другой стороны, он подвергается преследованиям за то, что пишет, и как он об этом пишет.

Обычно группа «своих» получает положительную оценку, а группа «чужих» – отрицательную, Г. Вальрафу удается вызвать обратный эффект. Разделяя окружающих на «своих» и «чужих», он создает образ такого персонажа, как Адлер. Это беспринципный, жестокий, алчный, равнодушный ко всему кроме денег человек, для которого жизнь каждого отдельного «своего» иностранного рабочего ничего не стоит. Он готов послать свой «Repertoire» – «ассортимент», своих «Kameraden» – «приятелей» на смерть ради получения наживы. Для него они – рабы, вызывающие у него омерзение. Одним из работников он характеризуется как «настоящий гангстер» и «сутенер», которому совершенно все равно, что будет с его людьми. Об этом свидетельствует и то, что он, практически не задумываясь, отправляет людей на верную смерть – на атомную электростанцию «Вюргассен», где по сценарию Г. Вальрафа произошла техническая авария с утечкой радиации.

Адлер, не деля людей на «своих» и «чужих», считает, что со всеми нужно быть «чертовски внимательным». Про Германию он говорит: „...für jeden Scheiß machen die hier ja ein Gesetz—[23, S. 253] – «Здесь в Германии столько законов – черт ногу сломит» [2, с. 364]. Одновременно Г. Вальраф указывает: „Er ist einer von zigtausenden Erfüllungsgehilfen und Nutznießern des Systems der grenzlosen Ausbeutung und Menschenverachtung—[23, S. 254] – «Он – один из многих тысяч подручных, которых обогащает система безграничной эксплуатации и презрения к человеку» [2, с. 365]. Когда Г. Вальраф в роли «Али» начинает работать у него водителем,

он слышит, как Адлер «аттестует» «неудобных» и «настырных» людей. Однако, как пишет автор: „Dann liegt keineswegs, wie zu vermuten wäre, ein gereizt-ärgerlicher Tonfall in seiner Stimme, vielmehr ein eher satt wollüstiger—[23, S. 172] – «Против ожидания, в его голосе нет ни злости, ни раздражения, в нем звучит скорее сытое благополучие» [2, с. 334]. Использование им в речи инвектив свидетельствует не просто о снисходительном, неуважительном, равнодушном, зачастую презрительном отношении к иностранным рабочим, но скорее о наличии конфликтных ситуаций, как внутренней, личной, так и внешней, в целом со стороны общества, как формы проявления неприятия «чужого», «другого». Его отношение к носителям «чужого» и «другого» демонстрирует одновременно и его чувство принадлежности к родному и национальному, что тоже является элементом национального образа мира. В речи Адлера, как одного из представителей немецкого общества, элементы не только «чужого» мира наделяются исключительно отрицательными по направленности оценочными смыслами и характеризуются за счет применения многочисленных инвективных единиц. Анализ степени инвективности, т.е. нарастания оттенков оскорбительного значения, показывает, что при общении со «своими» турецкими рабочими в речи Адлера превалируют инвективы с высокой степенью инвективности. В общении с друзьями-промышленниками и политиками он позволяет себе использовать инвективы со средней и малой степенью инвективности. При общении с новыми клиентами, представителями крупного бизнеса, используемые им лексические единицы варьируются лишь от нейтральных до разговорных.

Хотя сам Г. Вальраф пишет: „Ausländer werden in der Regel nicht beschimpft. Jedenfalls nicht so, daß sie es hören. Hinter ihrem Rücken wird gern über den angeblichen Knoblauchgestank gestöhnt—[23, S. 20] – «Как правило иностранцев не ругают. Во всяком случае, не так, чтобы они слышали. За их спиной любят пожаловаться на якобы невыносимый чесночный запах» [2, с. 280]. На самом деле осуждению подвергается не только «чесночный запах». Агрессивные инвективы включают в себя лексику в форме номинаций человека, включая также и зооморфизмы, неприятия работы, которую выполняют турки и на которую не согласился бы ни один немец, их места жительства, языка и подвергают оскорблению следующие человеческие качества и недостатки:

1. Общая характеристика, особенности внешности:

„Das sind doch *arme Schweine*, die nicht mal satt zu essen haben. Die haben doch nichts auf den Rippen—[23, S. 242] – «Они же, *бедняги*, не каждый день едят досыта. Кожа да кости» [2, с. 357]. „Die *arme Sau*, wissen Sie, den hab' ich, na vor anderthalb Jahren geholt—[23, S. 243] – «*Бедняга!* Знаете, я пригрел его полтора, да, полтора года назад» [2, с. 358]. „...eine *Schmeißfliege* bin ich jetzt wieder los—[23, S. 172] – «...я убрал тут одного *навозного жука*» [2, с. 334].

2. Нравственные и умственные качества:

„Nur wenn sie... ihren längst überfälligen Lohn fordern, sind sie für ihn *«Gesocks, Pack, Strauch- und Tagediebe»*—[23, S. 234] – «Только когда они имеют наглость роптать и требовать давно причитающуюся им плату, в ход идет брань: „*пьянь*“, „*сволочь*—„*подонки*—„*бездельники*—» [2, с. 352]. „... aber welcher *Schmutzfink* will mir was tun?—[23, S. 166] – «Но какая же *сволочь* мне угрожает?» [2, с. 330]. „Nicht Überholen! *Dummkopf!* langsam fahren—[23, S. 170] – «Не обгонять! Медленней, *дурак*» [2, с. 332]. „Unterlaß das sofort, du *Idiot*, du bringst mich noch ins Gerede—[23, S. 172] – «Немедленно прекрати, *идиот*, а то еще пойдут разговоры» [2, с. 334]. „Diese *dumme Sau*, dieses *Arschloch*, jag sie...—[23, S. 219] – «*Дура набитая, сволочь, прижми ее...*» [2, с. 341].

3. Принадлежность к другому этносу, национальности: „Ich *«dreckiges Türkenschwein»* solle endlich verschwinden, brach es aus ihm heraus—[23, S. 19] – «Пусть эта грязная турецкая свинья наконец уберется отсюда, – вырвалось у него» [2, с. 280]. „Yüksel... wird vor versammelter Mannschaft als *«dummer Türkendepp»* bezeichnet und ausgelacht—[23, S. 141] – «...называет Юкселя „*тупым турецким придурком*—перед всей собравшейся командой» (Перевод наш). В одной из глав Г. Вальраф приводит целый список оскорбительных надписей на стенах в уборных на фабриках Тиссена: „*Scheißtürken*, können nicht hoch genug hängen, ich hasse sie all—[Ibidem, S. 107] – «Турки – *дерьмо*, всех повесить повыше, всех ненавижу» [2, с. 316]. „*Türkensau*, ich knall euch alle ab—[23, S. 107] – «*Турецкие свиньи*, всех вас пристрелю» [2, с. 316]. „Lieber ein *SS-Schwein* als eine *Türkensau* sein—[23, S. 107] – «Лучше быть эсесовцем, чем турком» [2, с. 316].

Адлер, характеризуя «своих» работников, использует для усиления местоимение *Ihr*, тем самым отделяя себя от «них», а также перечисляет «эмоционально нагруженные» национальности: „*Ihr verfluchten Hottentotten*” – «*Вы проклятые готтентоты*», „*Ihr Scheißkanaken*— – «*Вы чертовы чурбаны*», „*Knoblauchjuden*— «*вонючие евреи*».

Рассмотрим еще один пример: один немецкий рабочий рассказывает другому в присутствии Али анекдот, в котором турки как нация также подвергаются оскорблению: „Da trifft ein Türkenjunge – der geht gerade mit einem deutschen Schäferhund spazieren – einen erwachsenen Deutschen. Der fragt: «Wohin willst du denn mit dem *Schwein?*» – Der Türkenjunge: «Das ist doch gar kein *Schwein*, das ist ein echter deutscher Schäferhund, hat sogar'n Stammbaum» – Sagt der Mann «*Halt's Maul*, dich hab ich doch gar nicht gefragt»—[23, S. 112] – «Идет мальчишка-турок, прогуливает немецкую овчарку. Навстречу ему немец. Немец спрашивает: —*Куда это ты со свиньей?*» Турок говорит ему: —*Это не свинья, а настоящая немецкая овчарка, с родословной*». А немец ему: —*Заткни пасть*. Тебя не спрашивают» [2, с. 319].

В большинстве случаев данную группу инвектив образуют сложные слова, употребление которых в немецком языке говорит о такой особенности немецкой ментальности как концентрация большого фрагмента мысли в одном слове [15, с. 18], что придает им еще большую степень отрицательной экспрессивности и оскорбительности. Как показывает анализ эксплицированных контекстов, для многих немцев в противопоставлении «своих» и «чужих» важным оказывается этнический компонент.

Одним из самых частотных используемых в тексте зооморфизмов, под которыми мы, опираясь на определение Т. В. Писановой, понимаем метафору, источником которой служит «образ» животного [12, с. 6], являются «Schwein» – «свинья» и «Sau» – «свинья, скотина». Зооморфизмы характеризуют человека в системе межличностных отношений, при этом основной акцент делается на его физические, моральные качества и на его интеллектуальные способности. «Свинья» с библейских времен символизирует нечистоту, нечистоплотность и грех, с которыми человек должен справиться. Тот, кто использует подобное выражение по отношению к человеку, подвергается наказанию в Германии (§ 185 Уголовного кодекса), Австрии (§ 115 австрийского Уголовного кодекса) и Швейцарии в связи с нанесением оскорбления. Статья 185 Уголовного кодекса Германии гласит: „Beleidigung. Die Beleidigung wird mit Freiheitsstrafe bis zu einem Jahr oder mit Geldstrafe und, wenn die Beleidigung mittels einer Tätlichkeit begangen wird, mit Freiheitsstrafe bis zu zwei Jahren oder mit Geldstrafe bestraft—[22]. – «Оскорбление. Нанесение оскорбления наказывается лишением свободы на срок до одного года или штрафом, в том случае, если оскорбление совершается посредством насилия, то нанесение оскорбления наказывается сроком до двух лет или штрафом» (Перевод наш).

Национальный компонент оппозиции «свой – чужие», включающий в себя общность языка, территории, экономической жизни, менталитета, вероисповедания, культуры, исторического прошлого [14, с. 474], также находит отражение в тексте Г. Вальрафа. Работа, которую выполняют гастарбайтеры, характеризуется следующим образом: „Und du stehst praktisch nur in der Scheiße und machst Scheiße weg. Aber am nächsten Tag ist die Scheiße wieder da...—[23, S. 140]. – «Ты работаешь, стоя в дерьме, и убираешь дерьмо. Но на следующий день дерьмо накопилось опять...» (Перевод наш).

Место жительства турок также описывается за счет использования инвективных лексических единиц: „Allein seine Adresse Dieselstrasse ist wie ein Stigma. Da wohnt in seinen Augen der letzte Dreck im letzten Dreck und arbeitet direkt daneben im allerletzten Dreck—[Ibidem, S. 174] – «Самый адрес Али – Дизельштрассе – вроде клейма. Адлер считает, что там живет последняя мразь, что живет она в последней грязи и работает тут же рядом в самой распоследней грязи» [2, с. 335-336]. „Mach das in deinem Affenstall in der Dieselstraße...—[23, S. 172] – «Занимайся этим в своем обезьяннике на Дизельштрассе...» [2, с. 334].

С целью оскорбления турок, говорящих между собой на родном языке, Адлер использует инвективу «eure Arschsprache»: „Eure Arschsprache könnt ihr noch lange genug bei euch am Arsch der Welt sprechen...— [23, S. 92] – „На вашем паршивом языке вы можете сколько угодно говорить у себя, у черта на рогах, когда вы, надо надеяться, наконец, окажетесь дома» (Перевод наш). За фразеологизмом «am Arsch der Welt» – «у черта на рогах» скрывается аллюзия на Турцию, где они могут разговаривать на своем родном языке.

В анализируемых контекстах инвективы заведомо несут в себе маркер дисгармонизации коммуникации по отношению ко всему «чужому», они способствуют вербализации отрицательных эмоций, выступая в качестве дейктиков отдаления, показателей умаления человеческого достоинства, которое затем трансформируется в оскорбление и унижение. Важную роль также играет и аффективное состояние коммуникантов-«немцев»: гнев, раздражение, неприязнь по отношению к туркам, их языку, образу жизни и пр. Как показывает проведенный анализ, в большинстве случаев социальный статус коммуникантов обуславливает гармонию или дисгармонию их коммуникативного поведения, эмоциональность – нейтральность общения, выбор тех или иных языковых средств.

Обращает на себя внимание тот факт, что речь турецких рабочих при общении с немцами, на которых они работают, всегда нейтральна, инвективные лексические единицы ими не используются. Поэтому можно сказать, что дисгармонизация общения носит однонаправленный характер, т.е. исходит от немцев. Турки могут использовать инвективы в общении лишь между собой. В условиях безработицы, понимая, что на твое рабочее место всегда найдутся желающие, они пытаются избегать конфликтных ситуаций, тем самым пытаясь и «нейтрализовать» общение.

Лексические единицы, не имеющие соответствующие пометы в словарях, также могут использоваться в качестве оскорбления, например, «Untermensch»: „Dennoch zählt Ali für Adler nach wie vor zu den Untermenschen aus der proletarischen Unterwelt—[Ibidem, S. 174] – «Но все равно Али для Адлера – недочеловек из пролетарских низов» [2, с. 335]. «Недочеловек» использовался идеологией национал-социалистов, чтобы описать «нижних людей» – евреев, цыган и др. В брошюре «Der Untermensch» (1942) указывалось: «Недочеловек – это лишь подобие человека, с человекоподобными чертами лица, находящееся в духовном отношении гораздо ниже, чем зверь. В душе этих людей царит жестокий хаос диких необузданных страстей, неограниченное стремление к разрушению, примитивная зависть, самая неприкрытая подлость» [11]. То, что турки для немцев были «недочеловеками», подтверждает и другой пример, выбранный Г. Вальрафом в качестве эпиграфа: „Stoppt Tierversuche – Nehmt Türken!—[23, S. 151] – «Прекратите опыты над животными – возьмите турок!» [2, с. 321].

Отметим, что инвективная функция является далеко не единственной функцией рассматриваемой лексики, которая также может выступать в роли междометного восклицания, обращенного в пространство и являющегося средством эмоциональной разрядки, выполняя «Ventilfunktion» – «функцию отдушины», «клапана», позволяющего выпустить свои эмоции. Смысл междометных инвектив в настоящее время не осознается в полном объеме и изменился с течением времени. Главное отличие междометного использования сейчас – безадресность. При этом сохраняется лишь коннотативное значение, необходимое для передачи таких эмоций как недовольство, гнев, раздражение, неудовлетворенность, презрение, пренебрежение, враждебность и ненависть. При употреблении в междометной функции собственно ругательства ничем не отличаются от других междометий: они выражают эмоции, не называя их. Употребляя междометную инвективу, говорящий выражает свое негативное отношение к сложившейся ситуации в целом: „Die waren vielleicht sauer. So' ne Scheiße!—[23, S. 250] – «То-то они кисли. Такой прокол» [2, с. 362]. „Werden in die Türkei geschickt, arme Kerle! Scheiße, so was!—[23, S. 250] –

«Бедняги, их вышлют в Турцию! *Какая подлость!*» [2, с. 362]. „*Verdammte Scheiße. Jeder Tag voll neuer Überraschungen...*—[23, S. 252] – «*Чертovski не повезло! Каждый день новые сюрпризы*» [2, с. 364]. „*Ja, das ist doch wohl klar – Scheiße!*—[23, S. 253] – «*Кажется, мог бы сообразить... Так вляпаться!*» [2, с. 364].

Многочисленный повтор подобных лексических единиц придает им дополнительную семантическую коннотацию, усиливая впечатление от описываемых событий. В целом, как показывает анализ материала, сниженные лексические средства преимущественно используются менее образованными и отрицательными персонажами. Тем самым инвективная лексика становится признаком социальной маркированности и демонстрирует отношение к партнеру по коммуникации как к неравноправному, находящемуся на более низкой социальной и даже умственной ступени развития, и выступает как маркер дисгармонизации общения.

Обнаруженные инвективы являются в большинстве своем абсолютными пейоративами, изначальные формы которых уже содержат отрицательную коннотацию и сохраняют ее при употреблении. Такие лексемы как «*Dummkopf*» – «*Дурак*», «*Idiot*» – «*Идиот*», «*Scheiße*» – «*Какая подлость*», «*Так вляпаться*» получают отрицательную коннотацию не при употреблении, т.е. на синтагматическом уровне, а имеют уже пейоративность на прагматическом уровне. В основе ряда инвективных обозначений – исторические события новейшей истории Германии. Выражаемые данными инвективами значения выводят объект инвективной оценки за пределы круга «своих» и тем самым, по мнению Е. И. Шейгал, индуцируют коннотацию пейоративного отчуждения [16]. Одним из самых продуктивных способов пейорации в современном немецком языке является словообразование: инвективы-композиции придают дополнительную оценочность и эмоциональность всему высказыванию, позволяя добиться автору желаемого прагматического эффекта.

В заключение настоящего исследования представляется возможным сделать вывод о том, что изучение инвективного фонда в произведении Г. Вальрафа позволяет определить, какие человеческие недостатки подвергаются осуждению в определенный момент развития одной и той же культуры, поскольку фонд инвективной лексики способен отражать аксиологические представления его носителей. Как пишет в своей статье М. С. Михайлова, «изучение языковых процессов, сопровождающих общение в контексте мультикультурности и мультиэтничности, представляется необходимым, поскольку отражает глубинные изменения ценностного и нормативного характера на ментальном уровне» [9, с. 135]. Анализ инвективных лексических единиц в целом позволяет говорить о существовании неких универсальных вневременных и внепространственных культурных ценностей и об осуждении отрицательных черт характера, негативной оценке умственных способностей (глупости, тупости, недалекости), о выражении агрессии, враждебности, гнева, отвращения и презрения. «Речевая инвектива представляет собой своеобразную культурную универсалию для всего человеческого общества» [4, с. 9]. Снижение языковой культуры и увеличение частоты применения инвективных лексических единиц является следствием происходящих общественно-политических явлений во всем мире, а также исторического прошлого и условий функционирования языка. Функционируя как средство хранения и передачи опыта определенного народа, инвективные единицы обнаруживают связь с концептами как культурно-специфическими вариантами понятий, образующими основу национальной языковой картины мира. Частоту употребления инвектив по сравнению с нейтральными средствами объясняет их особая эмоциональность и экономичность. Нельзя не согласиться с О. В. Саржиной, которая говорит о лапидарном (компрессированном) способе «упаковки» информации инвективной лексики, который в речи напоминает «взрыв» [13, с. 170-171].

Г. Вальраф сочетает в себе черты настоящего репортера, для которого важно объективное освещение происходящего, и черты опытного и искусного художника, умеющего эффективно использовать потенциал художественного стиля, что говорит о несомненном синкретизме его творческой деятельности. В конце XX века им обозначены проблемы, которые и в начале XXI века не потеряли своей актуальности и требуют поиска новых возможностей решения для дальнейшего гармоничного развития общества.

Список литературы

1. **Большой толковый словарь немецкого языка:** для изучающих немецкий язык / Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. М.: Март, 1998. 1248 с.
2. **Вальраф Г.** Репортер обвиняет. М.: Прогресс, 1988. 400 с.
3. **Жельвис В. И.** Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 2001. 349 с.
4. **Жельвис В. И.** Психолингвистическая интерпретация инвективного воздействия: дисс. ... докт. филол. наук. М., 1991. 352 с.
5. **Заворотичева Н. С.** Инвективы в современной разговорной речи (на материале пиренейского национального варианта испанского языка и американского национального варианта английского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010. 26 с.
6. **Карасик В. И.** Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. 330 с.
7. **Леглер А. А.** Особенности вербализации бинарно-понятийной оппозиции «свои – чужие» в художественной публицистике Гюнтера Вальрафа: дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2011. 238 с.
8. **Лотман Ю. М.** История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб., 2002. 768 с.
9. **Михайлова М. С.** Приемы табуизации именованных лиц в мультикультурной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 135-139.
10. **Мультитран** [Электронный ресурс]: электронный словарь. URL: <http://www.multitran.ru/> (дата обращения: 25.06.2013).
11. **Недочеловек** [Электронный ресурс]. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Недочеловек (дата обращения: 25.06.2013).
12. **Писанова Т. В.** Семантическая структура и функционально-коммуникативные свойства зооморфизмов испанского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1989. 22 с.
13. **Саржина О. В.** Русские инвективные имена лица: комплексный анализ: дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 209 с.
14. **Степанов Ю. С.** Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

15. **Файзуллина А. Г.** Инвективы-компози́ты в системно-функциональном аспекте (на материале немецкого, русского и татарского языков): автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Чебоксары, 2008. 47 с.
16. **Шейгал Е. И.** Семиотика политического дискурса: дисс. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с.
17. **Aman R.** *Opus Maledictorum. A Book of Bad Words.* N. Y.: Marlowe & Co, 1996. 362 p.
18. **Der Große Duden:** in 12 Bänden. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverlag, 2002. B. 10. Bedeutungswörterbuch. 1103 S.
19. **Freud S.** *Handbuch der Beschimpfungen.* München: Bassermann, 2007. 159 S.
20. **Havryliv O.** *Pejorative Lexik. Untersuchungen zu ihrem semantischen und kommunikativ-pragmatischen Aspekt am Beispiel moderner deutschsprachiger, besonders österreichischer Literatur.* Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 2003. 155 S.
21. **Kiener F.** *Das Wort als Waffe.* Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1983. 304 S.
22. **Strafgesetzbuch. 14 Abschnitt – Beleidigung (§§ 185-200)** [Электронный ресурс]. URL: <http://dejure.org/gesetze/StGB/185.html> (дата обращения: 25.06.2013).
23. **Wallraff G.** *Ganz unten.* Köln: Kiepenheuer & Witsch-Verlag, 1985. 254 S.

INVECTIVE VOCABULARY AS MARKER OF COMMUNICATION DISHARMONIZATION IN OPPOSITION “NATIVES – FOREIGNERS”

Banman Polina Pavlovna, Ph. D. in Philology
North Caucasian Federal University
himfmpolina@yandex.ru

The author reveals the content of the notion “*invective vocabulary*”, which is considered as a marker of alienation and disharmonization in opposition “*natives – foreigners*”, which is one of basic in modern language picture of the world and which represents the features of the world perception within the framework of a particular culture; and pays special attention to the analysis of the invectives use in the artistic and journalistic style, which aims not only to inform a potential reader about current events, but also to indicate the need to take a certain position.

Key words and phrases: artistic and journalistic style; negative expressivity; invective vocabulary; interjection invectives; disharmonization marker.

УДК 81-112

Филологические науки

В статье раскрываются особенности опрощения, как основного способа возникновения квазипроизводных во французском языке в рамках лексико-семантического поля «юриспрудонимы». Проводится анализ структурно-семантических особенностей, отличающих квазипроизводных от других классов лексических единиц, проиллюстрированы основные тенденции их возникновения и эволюции.

Ключевые слова и фразы: квазипроизводные; юриспрудонимы; производящая основа; формант; квазификс; лексико-семантическое поле; словообразовательные ряды; связанная основа.

Баринов Руслан Валерьевич

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
useruslan@mail.ru

ОПРОЩЕНИЕ КАК ОСНОВНОЙ СПОСОБ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КВАЗИПРОИЗВОДНЫХ ЮРИСПРУДОНИМОВ®

В отечественном и зарубежном словообразовании осуществляется исследование особенностей механизмов возникновения слов в языке. Наибольшую сложность в этом отношении представляют квазипроизводные, которые не поддаются словообразовательному членению, они формально обладают всеми признаками производных, но при синхронном анализе в них нельзя выделить производящую основу и словообразовательный формант.

Основной задачей в данной статье выступает анализ опрощения, как основного способа возникновения квазипроизводных, выявленных в результате проведения исторического исследования словообразовательных рядов на примере лексико-семантического поля (ЛСП) «юриспрудонимы».

Ранее предпринималось исследование связанных основ, которые выступают отдельными объектами изучения в трудах Н. А. Катагощиной [1, с. 99], Г. В. Овчинниковой [3, с. 177; 4, с. 122; 5, с. 135], О. Г. Путырской [6] и др. и являются составляющими квазипроизводных, становясь неотделимыми от словообразовательных формантов. Квазипроизводные занимают промежуточную позицию между «производными», которыми они были ранее, и «непроизводными», к которым их можно отнести в настоящее время.

Анализ более 3000 единиц позволил выявить квазипроизводные среди глаголов и имен существительных в лексическо-семантическом поле «юриспрудонимы».